

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Т. В. Павлова

Социальные движения
как фактор трансформации
институциональной среды:
проблемы теории

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Т.В. Павлова

ПАРАДИГМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Теория социальных движений — важное направление современной западной политической социологии, интенсивно развивающееся с 1950-х годов.¹ По мере эволюции самих движений и трансформации социальных и политических институтов общества в целом, менялись и парадигмы исследования социальных движений — от изучения социопсихологических аспектов коллективного поведения до анализа движений в политическом и социокультурном контексте и как фактора институциональных изменений.

В западной традиции принято выделять три основных парадигмы исследования социальных движений. Первая — *парадигма коллективного поведения*, преобладавшая в изучении движений до 1960-х годов. Социальные движения трактовались как иррациональное и нескоординированное коллективное поведение в ситуации социального кризиса и связанных с ним явлений депривации, фрустрации, агрессивности [Gurr 1970]. Представители структурного функционализма, в частности, Н.Смелзер, рассматривали коллективное поведение как реакцию на “структурные напряжения”, возникающие вследствие конфликта интересов и дисфункций социальной системы [Smelser 1962]. Коллективное поведение связывалось с социальными изменениями — трансформацией социальных структур и нормативных установок, а социальные движения определялись как усилия групп людей, вовлеченных в совместное действие, с целью “способствовать или препятствовать изменениям в обществе или группе” [Blumer 1951; Turner, Killian 1957].

Вторая парадигма — *теория коллективного действия (мобилизации ресурсов)* оформилась в 1960-70-е годы [McCarthy, Zald 1973; 1977]. В рамках данной парадигмы получила развитие *теория политического процесса* американских исследователей Ч.Тилли, С.Тэрроу, Д.Макадама [Tilly 1978; Tarrow 1983; McAdam 1982], положивших начало изучению взаимодействия институционализированной политики и социальных движений. Центральная роль в теории политического процесса отводится концепции “структуры политических возможностей” [Eisinger 1973; Kriesi 1989], делающей возможным коллективное действие. Согласно теоретикам политического процесса, организации социальных движений рассматриваются как рациональные акторы, взаимодействующие в рамках существующей структуры политических возможностей с представителями власти и отстаивающие перед ними

ПАВЛОВА Тамара Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

¹ В отечественной литературе проблемы теории социальных движений рассматривались в ряде работ 1970-2000-х годов [Патрушев и др. 1988; Дилигенский 1990; Патрушев 1990; Здравомыслова 1993; 1998; Драбкин 1994; Костюшев 1999; Халий 2007].

требования социальных групп, не имеющих институционального представительства [Tilly 1978: 84].

Исследователи, работающие в парадигме теории мобилизации ресурсов, подобно представителям парадигмы коллективного поведения, видят в движениях агента социальных изменений, но, в отличие от теоретиков коллективного поведения, оценивают их не как результат дисфункций социальной системы, а как протагонистов ее нормального функционирования.

Наконец, начиная с 1980-х годов, в Европе получила развитие *парадигма новых социальных движений*. В рамках этой парадигмы, в отличие от первых двух, эти движения рассматриваются в общем социетальном (институциональном), политическом, культурном и историческом контексте, с позиций социального (структурного) конфликта и историчности, как своего рода ответ на изменения, принесенные эпохой позднего модерна и постмодерна [Habermas 1984,1987; Melucci 1980, 1996; Кастельс 2000; Touraine 1985]. Э.Гидденс в своей теории структуризации связывает макроуровень движений с уровнем поведения индивидов (микроуровнем), подчеркивая роль процессов самоактуализации и самоидентификации в эпоху позднего модерна [Giddens 1991].

Теории новых социальных движений отличает акцентирование связи между социетальными (институциональными) изменениями периода модерна и постмодерна, возникновением новых социальных и политических структур, новых конфигураций власти и - новыми формами коллективного действия. Сами движения рассматриваются как источник социальных, политических и культурных изменений.

Характерным для европейской школы является подход к социальным движениям как к коллективным акторам, сформировавшимся в рамках гражданского общества и основанным на коллективной идентичности [Munck 1995].

Многие исследователи социальных движений призывают к синтезу имеющихся теоретических подходов. Например, американские ученые предложили структурировать их в соответствии с тремя основными группами факторов, влияющими на появление и развитие движения: 1) структурой политических возможностей (political opportunities structure); 2) мобилизационными структурами (mobilizing structures) и 3) процессом формирования общей культурной идентичности, ценностно-нормативных фреймов (framing processes) [McAdam et al. 2004: 6; см. также Benford, Snow 2000].

Идея синтеза подходов пока, однако, не стала преобладающей. Исследователи разных направлений скорее используют элементы тех или иных подходов, характерных для других парадигм, или же развивают отдельные линии исследования.

Объектом критики становится и теория новых социальных движений [Richardo 1997]. В частности, ставится под сомнение наличие автономного субъекта действия, способного к саморефлексии, а также сама позитивная оценка роли социальных движений в ситуации радикального изменения характера политики “в передовых потребительских демократиях” и “паттерна конструирования индивидуальной идентичности, ориентированного на потребление” [Blühdorn 2006: 31].

В последние годы появились исследования, использующие *институциональный подход к анализу социальных движений* [Burns, Diez 2001; Hensmans 2003; Armstrong, Bernstein 2008], что представляется весьма перспективным в контексте растущего влияния неинституциональной методологии в целом.

В последующем изложении мы попытаемся осветить основные проблемы современных социальных движений с учетом существующих теоретических подходов.

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ ТИП КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Артикуляция гражданами новых потребностей и интересов, связанных с коренными изменениями условий жизни (защита окружающей среды, качество жизни и др.), и их стремление непосредственно влиять на процесс принятия решений в обществе обусловили появление новых форм участия, новых коллективных акторов, а также новых сфер для реализации гражданских инициатив. Некоторые исследователи говорят даже о смене “самых паттернов представительства и участия” [Fairbrother 2000].

Все большую роль стали играть неинституциональные, стихийные формы участия, прямое действие, в которое вовлекаются широкие слои ранее не участвовавших в общественных движениях граждан. Новые формы характерны, в том числе, и для таких традиционных движений, как рабочее и профсоюзное, но в первую очередь для различного рода новых социальных движений (движение за права человека, женские, молодежные, экологические движения и др.).

В последние годы в “старых демократиях” отмечается общее снижение участия граждан в политике [Pharr, Putnam 2000; Putnam 2000], в частности, участие в выборах, членство в политических партиях и в традиционных организациях (профсоюзах, религиозных организациях), которые являлись привычными каналами гражданской мобилизации. Однако, отказываясь от конвенциональных, привычных форм участия (выборы, партийная деятельность и прочее), граждане все в большей степени используют неконвенциональные, прямые формы коллективного действия – петиции, демонстрации, забастовки, бойкот и т.п. [Norris 2002]. Происходит замена традиционных организаций коллективного действия современными акторами – новыми социальными движениями, транснациональными политическими сетями, группами, возникающими по поводу какой-то конкретной проблемы и использующими стратегии прямого действия.

Таким образом, формируется модель современного гражданского участия. Для этой модели характерна тенденция к фрагментации (переход к сетевым структурам, групповое и индивидуальное участие), большая вовлеченность граждан в процесс принятия решений на локальном, национальном и глобальном уровнях, появление альтернативных каналов влияния граждан на политический процесс.

Новые социальные движения (экологические, правозащитные, женские, антивоенные и др.), многие из которых возникли на Западе в конце 1960-х годов и активизировали свою деятельность на новой основе в 1980-х – начале 1990-х годов) в полной мере реализуют описанную выше модель гражданского участия, характерную для “старых демократий”. В последние два десяти-

тилетия появились и совершенно новые коллективные акторы, возникли новые пространства для коллективного действия. Так, в конце 1990-х годов ответом на глобализацию стало возникновение мощного антиглобалистского движения, представляющего собой множество движений, формальных и неформальных ассоциаций, объединенных целью противопоставить процессу глобализации в интересах крупных корпораций глобализацию в интересах граждан [Smith et al. 1997]. Международный масштаб их деятельности, организованной по сетевому принципу, повышает их легитимность и способствует ее эффективности [Van Rooy 2004: 11].

Среди новых коллективных акторов – движение потребителей (направленное против использования определенных видов продукции по различным идеологическим, этическим, экономическим и др. соображениям), движение акционеров (цель которого – влиять на политику, проводимую менеджментом компаний), движение в защиту прав животных и др. Именно в этих движениях и формируется новый тип коллективного действия – “индивидуализированное” коллективное действие, для которого не обязательно наличие коллективной идентичности. Инструментом, открывшим невиданные ранее возможности для взаимодействия участников движений и для непосредственного участия индивидов в деятельности локальных, национальных и глобальных сообществ, а также для широкого обсуждения проблем гражданского общества, стал Интернет, играющий роль альтернативного канала гражданской вовлеченности.

Основа идентичности новых акторов – не классовый, социально-экономический или профессиональный статус, как это было в индустриальную эпоху, а общие идеалы и ценности. Более того, как отмечает ряд исследователей, участие в коллективных действиях в современных западных обществах вовсе не обязательно связано с формированием коллективной идентичности. Индивидуальная идентичность во многих случаях преобладает над коллективной. Это порождает новые, “индивидуализированные” формы политического и гражданского участия, а также “индивидуализированные” формы коллективного действия, что связано с общим процессом социальной индивидуализации, изменением паттернов социализации и ценностей в странах Запада в эпоху постмодерна [Micheletti 2002]. Коллективные действия реализуются на практике путем солидарных действий и мобилизации ресурсов в рамках отдельных кампаний и направлены на решение конкретных проблем (защита окружающей среды, улучшение качества жизни, борьба за мир и т.п.)

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ

В последние два десятилетия в западной политической науке активно обсуждается проблема кризиса традиционных механизмов политического представительства (прежде всего, такого важнейшего института, как политические партии), которые, по мнению многих граждан, не являются более легитимной формой представительства интересов. Констатируется, что в сложном современном обществе, с присущим ему разнообразием интересов и тенденцией ко все большей индивидуализации, традиционные институты представительства не отражают интересов многих социальных групп, не обеспечивают

достаточно широкого доступа граждан к процессу принятия политических решений [Urbinati 2006].

Многие теоретики демократии видят выход из этого кризиса в развитии различных форм прямого участия. Важно при этом, что они не противопоставляют прямое участие представительной демократии, а определяют демократическое представительство как “сложную политическую практику, которая не исключает участие и не препятствует ему”, а, напротив, “поощряет и канализирует формы прямого участия”, тем самым делая и представительство, и участие “более значимыми и эффективными” [Castiglione, Warren 2005: 5].

Появление в современном западном обществе множества новых сфер для формулирования гражданами своих интересов, новых идентичностей и групп интересов потребовало и новых каналов для их выражения. Все это обусловило необходимость кардинального обновления самой концепции представительства с учетом новых форм индивидуального и группового представительства.

Усложнение политики в эпоху позднего модерна, изменение ее характера, появление новых ее измерений (глобального и локального), выход политики за пределы институционального, электорального поля, изменения функций и роли основных политических институтов значительно осложняет ответ на вопрос о том, кто может быть легитимным представителем индивидов и групп граждан. Появляются все новые сферы и формы представительства, претендующие на демократическую легитимность.

Такие традиционные институты представительства, как политические партии, зачастую перестают выполнять присущую им функцию посредника между обществом и государством. В значительной мере эта функция переходит к организациям гражданского общества и массовым социальным движениям, которые являются новыми, неинституциональными формами представительства интересов, “новыми протагонистами в сфере агрегации и представительства различных интересов” [Della Porta, Diani 1999: 5]. Гражданские организации и социальные движения, отражая интересы граждан и формулируя их как требования к публичной политике, вступают в отношения с политическими институтами в пространстве публичной сферы, осуществляют функцию критики и контроля за принимаемыми в их рамках политическими решениями [Habermas 1996]. Таким образом, они обеспечивают доступ граждан к публичной сфере и становятся “средством участия для самых слабых и наименее организованных интересов”, делая “представительство более равным” [Jenkins 1995], что соответствует основному принципу демократии.

В целом, можно констатировать, что в “старых” демократиях основной проблемой современного представительства является его демократическое обновление и дополнение политического представительства интересов граждан неполитическим, институциональным — неинституциональным.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Термин “новые социальные движения” в 1980 г. ввел в научный оборот известный итальянский исследователь, глава одной из самых влиятельных школ в изучении социальных движений Альберто Мелуччи [Melucci 1980]. Современное коллективное действие он определяет как “результат сложных про-

цессов взаимодействия, опосредованных определенными сетями групповой идентичности” [Melucci 1996].

Характерной чертой новых социальных движений является их ориентированность на современные, постматериалистические ценности, коллективная идентичность, базирующаяся не на классовых и социально-экономических различиях, а на формировании общей культурной идентичности, ценностно-нормативных фреймов, т.е. интерпретативных схем, посредством которых придается смысл коллективным действиям.

Несмотря на наличие огромного количества исследований, посвященных социальным движениям, единого, общепринятого определения самих движений не существует. Выделяются пять основных “концептуальных осей”, вокруг которых строятся различные определения движений: 1) коллективное или совместное действие; 2) направленность целей или требований на изменения; 3) неинституциональный характер коллективного действия; 4) определенная степень организованности; 5) определенная степень временной ответственности [Snow, Soule, Kriesi 2004: 6].

Определение движений как типа коллективного действия, направленного на изменения, — одно из наиболее распространенных среди исследователей движений [Дилигенский 1994: 247; Штомпка 2005: 163; Melucci 1989: 29; Tarrow 1994: 3–4]. Польский исследователь социальных движений П. Штомпка определил движения как особую разновидность коллективных действий, направленных на осуществление какого-либо вида социальных изменений и развивающихся в рамках неформальных, не имеющих институционализированного или формализованного характера систем [Штомпка 2005: 166].

Социальные движения определяются также и как “неинституционализированный тип коллективного конфликтного действия”, выходящего за рамки как формальных, так и неформальных институтов [Traube Poole 2003]. Своего рода синтетическое определение дают известные западные теоретики Донателла делла Порта и Марио Диани, интерпретирующие социальные движения как “(1) неформальные сети, базирующиеся на (2) разделяемых всеми ценностях и солидарности, мобилизующие своих участников по поводу (3) конфликтных проблем посредством (4) регулярного использования различных форм протеста” [Della Porta, Diani 1999].

Часть исследователей пытаются определить движения еще более широко — как форму коллективного действия, совершаемого вне институциональных или нормативно санкционированных каналов и направленного как на оспаривание существующих властных позиций (не только в политике, но и в обществе, в культуре), так и на их защиту [Snow et al. 2004: 6]. Наиболее общее определение социальных движений дает Э. Гидденс, усматривающий в них “коллективную попытку осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов” [Гидденс 1999: 585].

Идеал-типическую форму социальных движений американские исследователи Д. Макадам, Дж. Маккарти и М. Н. Залд [McAdam et al. 2004] описывают как сеть более или менее неформальных групп, не организованных иерархическим образом, и выделяют в качестве сущностной характеристики *участие* индивида (в отличие от *членства* в формальной организации), основанное

на чувстве принадлежности к определенному сообществу и коллективной идентичности. Именно наличие таких ресурсов, как коллективная идентичность и связанная с ней солидарность, помогает участникам движений преодолевать известную “проблему безбилетника” и совершать коллективное действие.

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Специфика движений в той или иной стране определяется институциональной средой, “социальным контекстом, культурой, историческим процессом, уровнем политического сознания” [Castells 1997], а также, прежде всего, политическим контекстом, в котором оно возникает и развивается. Политический контекст включает в себя как формальные (институциональные) факторы – политические институты, кодифицированную часть политической культуры, так и неформальные, опосредующие факторы – поведение политических оппонентов (государства) и поведение союзников (поддерживающих политических акторов – политических партий, масс-медиа, других движений) [Della Porta, Diani 1999].

Понятие политического контекста, широко используемое теоретиками новых социальных движений, фактически представляет собой развитие концепции структуры политических возможностей [Eisinger 1973], разработанной теоретиками политического процесса Ч.Тилли, Д.Макадамом и С.Тэрроу. В своих работах они стремились объяснить появление тех или иных социальных движений “изменениями в институциональной структуре или неформальных властных отношениях в рамках данной национальной политической системы” [McAdam 2004: 3].

Опираясь на их работы, европейские исследователи новых социальных движений [см., например, Kriesi 1989; Kitschelt 1986; Koopmans 1995] стали изучать взаимосвязь институционализированной политики и социальных движений – “структуру политических возможностей” в рамках сравнительных исследований движений во Франции, Швейцарии, Германии, Нидерландах и др. странах Европы. Американскими исследователями были проведены case studies отдельных движений и протестных циклов, тогда как европейским специалистам удалось выявить “кросс-национальные различия в структуре, масштабе и успешности сравниваемых движений на основе различий политических характеристик национальных государств, в которые они встроены” [McAdam, McCarthy, Zald, 2004: 3]. Общий вывод состоял в том, что социальные движения зависят от большого количества политических ограничений и возможностей, присущих только данному национальному контексту.

В сравнительных исследованиях политических институтов, влияющих на социальные движения, рассматриваются такие институциональные характеристики, как степень *сосредоточенности* власти в руках государства по сравнению с другими политическими акторами (группами интересов, политическими партиями, простыми гражданами), территориальная *децентрализация*, функциональное *разделение властей* [Kitschelt 1986].

Бросая вызов существующему политическому порядку, социальные движения взаимодействуют с акторами, занимающими консолидированные позиции в рамках этого порядка [Tilly, 1978: 53]. В концепции “структуры политических возможностей” основное внимание обращается на взаимодей-

стве неинституциональных и институциональных акторов, социальных движений и институционализированных систем представительства интересов. Выделяется ряд характеристик институционализированных политических систем, влияющих на структурирование коллективного действия:

- степень открытости (закрытости) политической системы;
- стабильность элитных групп;
- наличие у элит влиятельных союзников;
- терпимость элиты к протесту, склонность государства к использованию репрессий.

Влияние указанных переменных на социальные движения дополняется институциональными условиями, правилами и нормами, регулирующими процессы формирования повестки дня и принятия политических решений

Наибольшее значение придается влиянию первого фактора – открытости или закрытости политической системы. Чем более открыта система, тем больше движения стремятся к использованию умеренных стратегий и институциональных каналов влияния на власть. В ряде случаев происходит политическая институционализация движений.

Социальные движения выбирают ту или иную стратегию, исходя не только из “структуры политических возможностей”, но также из норм традиционной для данной страны политической культуры (частично кодифицированных в законах). Наименее конфронтационные стратегии характерны для движений, действующих в странах с более эгалитарной, либеральной и индивидуалистичной политической культурой, тогда как движениям в странах с коллективистскими традициями и превалированием в политической культуре ценностей государства над ценностями гражданского общества присущи более конфронтационные и антагонистические стратегии. Власть, на которую направлен социальный протест, в свою очередь, также руководствуясь нормами и ценностями данной политической культуры, вырабатывает определенную стратегию для разрешения конфликтов с социальными движениями, включающую “набор формальных и неформальных правил игры” [Kriesi 1989].

АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Качественным отличием парадигмы новых социальных движений от преобладавших в изучении социальных движений до конца 1980-х годов теорий мобилизации ресурсов и политического процесса конца 1980-х годов стало внимание к социокультурному и историческому контексту, в котором возникали и развивались движения, а также к культурным аспектам их деятельности. Эти изменения получили название “*культурного поворота*” [Buechler 2002:16; Snow et al. 2004: 95].

Потребность в таких изменениях ощущалась исследователями достаточно давно: речь шла о необходимости выйти за пределы политического контекста, дополнив его социокультурным, так как многие из новых социальных движений являлись ценностно, а не политически ориентированными. Возникает интерес к тому, “какого рода идеи наиболее понятны публике, отражают общественное мнение и будут восприняты аудиторией как ‘легитимные’” [Snow, Soule, Kriesi 2004: 72].

Одни исследователи используют в данной связи понятие *структуры культурных возможностей* (по аналогии со структурой политических возможностей), другие – понятие “культурной среды”, понимаемой как набор идей, норм и ценностей, делающих возможным коллективное действие [ibid.: 95, 98].

В целом можно выделить два основных подхода к изучению социокультурного измерения социальных движений.

Первый подчеркивает ценностный компонент культуры, связь между ценностями индивида и действием. Культура задает движению цель (новые ценности), на которые ориентировано действие, и создает навыки, привычки, стили, посредством которых люди выстраивают стратегии действия. При этом в качестве источника социальных изменений предстают изменения ценностей, сначала индивидуальных, а затем коллективных. Сторонники данного подхода констатируют появление новых размежеваний (клеведжей), основанных на ценностях, а не на классовой, политической или религиозной принадлежности, как это было ранее [Dalton 1998]. Протестная активность участников “культурных”, ценностно ориентированных движений направлена не на изменение политических институтов, а на утверждение определенных культурных ценностей, противостоящих господствующим культурным паттернам. В постиндустриальном обществе происходит “культурный сдвиг” в сторону постматериалистических ценностей (качество жизни, гармония с окружающей средой, права человека и т.д.) а приверженность этим ценностям коррелирует с поддержкой новых форм коллективного действия, протестной активностью [Inglehart 1990].

Второй подход рассматривает культуру с точки зрения когнитивной практики, как некий набор инструментов, с помощью которых социальные акторы придают смысл собственным действиям. В этот набор входит множество культурных и идейных компонентов – идеи, верования, обряды, неформальные правила. В рамках данного подхода движения рассматриваются как когнитивные практики, включающие в себя “производство и воспроизводство культурных кодов” [Melucci 1996].

К данному подходу можно отнести и теорию “социального конструкционизма”. Один из его теоретиков, автор концепции “framing processes” Д. Сноу определяет фреймы как “стратегические усилия групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие” [McAdam et al. 2004: 6]. “Фрейминг” в данной парадигме является интерактивным, коллективным способом, посредством которого акторы придают смысл своим действиям [Snow et al. 2004]. Трансформация фреймов создает новые ценности, верования и смыслы, способствующие участию в движениях. Именно в процессе этой трансформации возникают новые коллективные идентичности [ibid.: 435].

Идентичность – одно из центральных понятий “культурной парадигмы” – определяется исследователями как формирующееся в процессе интеракции между участниками коллективного действия и разделяемое всеми членами группы, организации, движения *ощущение общности*, наличие одинаковых верований и чувство принадлежности к общему “мы” [Diani 1992: 26]. Именно конструирование новых коллективных идентичностей делает воз-

можными социальные изменения, инициирующие новые “культурные коды” [Melucci 1996]. Таким образом, преодолевается “фрагментация идентичностей”, характерная для сложного современного общества, и реализуется одна из задач социальных движений — агрегация индивидуальных идентичностей [Machado 2006: 5].

Автор концепции информационного общества М.Кастельс отмечает, что глобализация порождает коммуникацию между культурами всего мира, а возможность сетевого “обмена ресурсами и верованиями” приводит к формированию некой “новой идентичности”. Вместе с тем, сохраняются и специфические, исторически унаследованные культурные идентичности, “идентичности сопротивления” [Castells 2004: 38-40].

ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Движения возникают в конкретной институциональной среде, которая оказывает влияние на поведение участников, определяет нормы и правила, которым они следуют. В то же время в условиях экономических, социальных и политических изменений движения становятся носителями новых правил, новых идей, новых стилей жизни, новых культурных паттернов. По мере того, как индивиды и группы осваивают эти изменения, они распространяют эти правила и нормы через социальные сети, что постепенно ведет к изменениям основных социальных и политических институтов, трансформации социального и политического порядка. При этом направление институциональных изменений зависит от уникальных исторических, социокультурных традиций (path dependence) [Hensmans 2003].

Институциональная трансформация, связанная с введением новых правил и их освоением, меняет и паттерны действия и взаимодействия [Burns, Dietz 2001]. Изменения могут инициироваться различными социальными акторами — не только элитой, но и социальными движениями. Поэтому главным фактором институциональной динамики и эволюции является характер взаимодействия между элитой и группами, бросающими ей вызов [Клеман 2007]. Приход к власти новой элитной группы или движения приводит к трансформации институциональных установлений и практик, к формированию нового социального и политического порядка. Устанавливается период институционального равновесия, которое сохраняется до тех пор, пока новые акторы не начнут борьбу за новые институциональные изменения, за новый порядок.

Гидденс Э. 1999. *Социология*. М.

Дилигенский Г.Г. (ред.) 1990. *Массовые движения в демократическом обществе*. М.

Дилигенский Г.Г. 1994. *Социально-политическая психология*. М.

Драбкин Я. С. (ред.) 1994. *Социальные движения на Западе в 70-е и 80-е годы XX века*. М.

Здравомыслова Е.А. 1993. *Парадигмы западной социологии общественных движений*. СПб.

Здравомыслова Е.А. 1998. *Социология общественных движений: Становление нового исследовательского направления*. — Социология в России (под ред. Ядова В.А.) М.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха. Экономика, общество и культура*. М.

Клеман К. 2007. Вызов властным отношениям. Гражданские протестные движения в закрытой политической системе. — *Свободная Мысль*, № 1.

- Костюшев В.В. (ред.) 1999. *Общественные движения в современном российском обществе: от социальной проблемы — к коллективному действию*. М.
- Патрушев С.В., Кертман Г.Л., Лисюткина Л.Л., Шмачкова Т.В. и др. 1988. *Трудящиеся массы и антивоенное движение. О новых массовых демократических движениях в развитых капиталистических странах*. М.
- Патрушев С.В. (ред.) 1990. *Массовые движения в современном обществе*. М.
- Халий И.А. 2007. *Современные общественные движения*. М.
- Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.
- Штомпка П. 2005. *Социология. Анализ современного общества*. М.
- Armstrong E.A., Bernstein M. 2008. Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements. — *Sociological Theory*, Vol. 26, № 1.
- Benford R.D., Snow D.A. 2000. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. — *Annual Review of Sociology*, Vol. 26.
- Вьлхдорн И. 2006. Self-Experience in The Theme Park of Radical Action?: Social Movements and Political Articulation in the Late-Modern Condition. — *European Journal of Social Theory*, № 1.
- Blumer H. 1951. Collective Behavior - *New Outline of the Principles of Sociology* (ed. A.M. Lee). N.Y.
- Buechler S.M. 2002. Toward a Structural Approach to Social Movements. - *Sociological Views on Political Participation in the 21st Century*. (Ed. by B.A. Dobratz, T. Buzzell, L.K. Waldner). Oxford.
- Burns T.R., Diez T. 2001. Revolution: An Evolutionary Perspective. — *International Sociology*, № 4.
- Castells M. 1997. *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.
- Castells M. 2004. *The Network Society. A Cross-cultural Perspective*. Northampton.
- Castiglione D., Warren M.E. 2005. *Rethinking Representation: Seven Theoretical Issues*. Paper prepared for Midwest PSA Annual Conference, Chicago, April 6-10.
- Dalton R. 1988. *Citizen Politics in Western Democracies*. Chatham.
- Della Porta D., Diani M. 1999. *Social Movements: an Introduction*. Oxford: Basil Blackwell.
- Diani M. 1992. The Concept of Social Movement. — *Sociological Review*, № 1.
- Eisinger P.K. 1973. The Conditions of Protest Behavior in American Cities. — *American Political Science Review*, Vol. 67.
- Fairbrother P. 2000. Changing *Patterns of Union Organisation? Representation and Participation: What is happening in Anglo-American Trade Union Movements?* — 18th Annual International Labour Process Conference, April 25-27, 2000, Univ. of Strathclyde, Scotland.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge.
- Gurr T.R. 1970. *Why Men Rebel*. N.Y.
- Habermas J. 1984, 1987. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1-2. Boston.
- Habermas J. 1996. *Fatti e Norme: contributi a una teoria discorsiva del diritto e della democrazia*. Milano.
- Hensmans M. 2003. Social Movement Organizations: A Metaphor for Strategic Actors in Institutional Fields. — *Organization Studies*, № 3.
- Inglehart R. 1990. *Cultural Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton.
- Jenkins J.C. 1995. Social Movements, Political Representation, and the State: An Agenda and Comparative Framework. — J.C. Jenkins & B. Klandermans (eds.) *The Politics of Social Protest: Comparative Perspectives on States and Social Movements*. L.
- Kitschelt H. 1986. Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. — *British Journal of Political Science*, Vol. 16.
- Koopmans R. 1995. *Democracy from Below. New Social Movements and the Political System in West Germany*. Boulder.
- Kriesi H. 1989. The Political Opportunity Structure of the Dutch Peace Movement. — *West European Politics*, Vol. 12.

- Machado J. A. 2006. *Network Activism, Technology and Identitarian Connections*. — *New Perspectives from Social Movements*. — Paper presented at Sociologists Workshop for the ISA Conference. Durban, South Africa.
- McAdam D. 1982. *Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930-1970*. Chicago.
- McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. 2004. *Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. Cambridge.
- McCarthy J., Zald M.N. 1973. *The Trends of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization*. Morristones.
- McCarthy J., Zald M.N. 1977. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. — *American Journal of Sociology*, Vol. 82.
- Melucci A. 1980. The New Social Movements: A Theoretical Approach. — *Social Science Information*, Vol. 19, № 2.
- Melucci A. 1996. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge.
- Micheletti M. 2002. *Individualized Collective Action*. Paper for the PSA's Meeting (NOPSA). Aalborg, Denmark, Aug. 14-17.
- Munck G.L. 1995. Actor Formation, Social Co-ordination, and Political Strategy: Some Conceptual Problems in the Study of Social Movements. — *Sociology*, Vol. 29, № 4.
- Norris P. 2002. *Democratic Phoenix. Reinventing Political Activism*. N.Y.
- Pichardo N.A. 1997. New Social Movements: A Critical Review. — *Annual Review of Sociology*, Vol. 23.
- Pharr S., Putnam R. 2000. *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* N.Y.
- Putnam R. 2000. *Bowling alone: the Collapse and Revival of American Community*. N.Y.
- Smelser N. 1962. *Theory of Collective Behavior*. N.Y.
- Smith J., Chatfield Ch., Pagnucco R. (eds.) 1997. *Transnational Social Movements and Global Politics: Solidarity Beyond the State*. Syracuse.
- Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. (eds.) 2004. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing.
- Tarrow S. 1983. *Struggling to Reform: Social Movement and Policy Change during Cycles of Protest*. Western Society Paper 15. Ithaca.
- Tarrow S. 1994. *Power in Movement. Social Movements, Collective Action and Politics*. N.Y.; Cambridge.
- Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading.
- Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements. — *Sociological Research*. 1985, Vol. 52, № 4.
- Traube Poole A. 2003. Lecture on Social Movement Theory. — *Political Science*, V 1501, 10/4/01. Columbia Univ.
- Turner R., Killian M. 1957. *Collective Behavior*. Englewood Cliffs.
- Urbinati N. 2006. *Representative Democracy: Principles and Genealogy*. Chicago.
- Van Rooy A. 2004. *The Global Legitimacy Game. Civil society, Globalisation, and Protest*. N.Y.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 06-03-00190а “Гражданское участие в меняющихся политико-институциональных условиях России: проблемы и перспективы”.